

О.В.Семенова

Современные практики общественной заботы о детях в Бразилии

В статье рассматривается трансформация воспитательных практик в современных семьях Бразилии. В условиях развития урбанизации традиционная родственная помощь бабушек и дедушек по уходу за детьми уступает место неродственным формам коллективной заботы о детях. Согласно сведениям, содержащимся в источниках, примерно половина женщин, живущих в бедных городских кварталах, отдают детей на попечение в другие семьи или в приюты. В статье подробно рассмотрены современные практики таких форм общественной заботы о детях, как бразильское усыновление (*adoção à brasileira*) и направляемое усыновление (*adoção intuiti personae*). Эти практики, иногда реализующиеся в обход официальной «буквы закона», в большинстве случаев ориентированы на создание благоприятных условий воспитания усыновляемого ребенка и нацелены на формирование социальной привязанности между несовершеннолетним воспитанником и его опекуном. Следует отметить, что в бразильском обществе большое значение придается социальной интеграции его членов, всецело инкорпорированных в многочисленные социальные сети в условиях роста городов. При этом практики общественной заботы о детях могут рассматриваться как проявление эусоциальных черт организации общества в современной Бразилии.

Ключевые слова: ультрасоциальность, родственная забота, урбанизация, плотность населения, фавела, забота о детях, усыновление.

DOI: 10.31857/S0044748X25020024

Статья поступила в редакцию 18.06.2024.

Тема родства и родственных связей традиционно является своего рода визитной карточкой этнологии и антропологии. В рамках дискуссий о развитии семьи и общества, а также о направляющих силах исторического

Ольга Владимировна Семенова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва, 119991 Ленинский пр-т, 32а, m4248296@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0015-243X).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28-01639, <https://rscf.ru/project/24-28-01639>.

процесса выдающиеся деятели отечественной этнографии не раз обращались к материалам из Америки, включая Латинскую Америку, чтобы подтвердить или опровергнуть свои теории и гипотезы. Так, знаменитый русский ученый, историк и публицист XIX—XX вв. Максим Ковалевский в своих работах привлекал этнографический материал традиционных обществ Америки. В частности, М.Ковалевский объяснял переход к патриархальному обществу у американских народностей тем, что рост населения и ограниченность территории приводили к разложению матриархальной группы на разобщенные пары, в которых роль и власть мужчины неуклонно росли [1]. Работы советского этнографа-американиста Л.А.Файнберга также были посвящены анализу эволюции форм общественного устройства, при этом исследователь активно использовал материалы о коренных народах Южной Америки для изучения проблем истории первобытного общества [2]. В трудах советского этнографа А.М.Золотарева, внесшего значительный вклад в исследование систем родства и экзогамии, также привлекался американский этнографический материал в качестве доказательства универсальности дуально-родовой организации традиционного общества [3].

Современные этнографы обращают пристальное внимание на этнические процессы, происходящие в крупных городах стран Латинской Америки, развитие которых обусловлено как экономическими факторами, так и притоком иммигрантов в XIX—XX вв. Советский и российский этнограф Лина Соломоновна Шейнбаум в своих работах, например, анализировала меняющуюся этносоциальную структуру аргентинской столицы, ставшей одной из крупнейших мегаполисов мира в конце XIX — начале XX вв. Л.С.Шейнбаум уделяла особое внимание этнокультурным аспектам, которые позволяют Буэнос-Айресу сохранять этническую специфику [4].

Российский антрополог М.Г.Котовская, в свою очередь, исследует этнорасовые отношения и этническую ситуацию в мегаполисах Бразилии. В соавторстве с Л.А.Файнбергом она рассматривает такие городские агломерации, как Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Салвадор и другие, чтобы показать региональные различия в культуре и специфику гендерных отношений [5]. В работах Котовской также сопоставляются полоролевые установки в различных социально-расовых группах латиноамериканского региона, при этом автором выделяются исторически устоявшиеся этнорасовые черты гендерных ролей современных бразильцев. В трудах Котовской внимание фокусируется на социально-экономической фрагментации бразильского общества, которая во многом задает вектор формирования наблюдаемых сегодня гендерных установок в странах Латинской Америки. В свою очередь сотрудник ИЛА РАН Ольга Аверина обращает внимание на наметившийся общественный раскол, который обусловлен полярным отношением населения стран Южной Америки к нынешней гендерной политике. По мнению автора, целевые установки государств Латинской Америки на положительное восприятие гендерного разнообразия нередко приводят к замалчиванию негативных последствий гендерного перехода и к росту количества операций по коррекции пола [7].

Таким образом, в работах современных исследователей освещаются различные аспекты этносоциальных процессов, протекающих в странах

Южной Америки. Однако вопросы изменений семейно-родственных отношений в высокоурбанизированных обществах латиноамериканского региона остаются неизученными. В предлагаемой статье автор рассматривает тему ухода за детьми в Бразилии, акцентируя внимание на общественной, неродственной форме заботы, которая становится все более актуальной в этой стране. Основной целью работы стало выявление особенностей и специфики подобной практики заботы о детях в регионе. Помимо этого автор обобщает выводы, сделанные в трудах последнего десятилетия, посвященных теме неинституционального усыновления и неродственным практикам заботы о детях в Бразилии, что также придает работе новизну, так как данное обобщение осуществляется впервые.

Исследовательский интерес автора данной статьи обращен к крупнейшей стране Латинской Америки — Бразилии, которая в условиях нарастающей урбанизации в определенном смысле слова стоит в авангарде последних изменений, связанных с появлением новых социальных практик. Действительно, рост миграционных процессов и урбанизация в Бразилии второй половины XX в. были беспрецедентно высоки. При этом внутренняя миграция в этот период значительно ускорилась, что привело к удвоению ее темпов, и к 1999 г. доля граждан, место жительства которых отличалось от места их рождения, доходила до 40% [8], в то время как еще в 1980-х годах только 20% граждан проживали за пределами того места, где они родились [8]. На 2020 г. более 87% населения стран Латинской Америки и Карибского бассейна проживало в городах. Для сравнения: в России доля городского населения в 2020 г. составила 74,8%, а темпы урбанизации — 0,18%, что значительно ниже аналогичных данных по Бразилии [9]. За последние десятилетия Бразилия в процентном соотношении численности городского населения к общему количеству жителей успела обогнать США — страну, традиционно входившую в первую пятерку наиболее урбанизированных государств мира. И хотя с 1950-х годов в США активно идет процесс урбанизации, он осуществляется преимущественно за счет формирования больших пригородных зон [10]. В значительной части городов Бразилии, в отличие от городов США, фиксируется высокая плотность населения — выше глобального срединного значения, что достигается преимущественно за счет относительно небольшой площади, занимаемой городами [8]. При этом стремительные миграционные процессы, происходящие в Бразилии, сопровождаются лавинообразным ростом городских агломераций. И именно там с 1970-х годов возникают фаве́лы (*favela*) — густонаселенные трущобы, в которых наблюдается плотная, не регламентированная властями жилая застройка с неразвитой социальной инфраструктурой, при этом присутствие сил правопорядка в таких районах минимально.

Как правило в условиях быстрорастущих мегаполисов Бразилии происходит атомизация нуклеарной семьи, сокращается роль традиционной родственной помощи. В наших предыдущих работах было показано, что в современной Бразилии частота родственных контактов даже в пределах одного городского поселения относительно невысока [11]. Среди потенциальных причин снижения родственной помощи в Бразилии — отсутствие

финансовых возможностей многих семей поддерживать регулярные родственные контакты, особенно на расстоянии [12].

Еще одна проблема современной бразильской семьи в крупных городах — это дети, оставленные биологическими родителями или потерявшими их. Бродяжничество и сиротство считаются также следствием тяжелого экономического положения бедноты, финансовых неурядиц семей из малообеспеченных слоев общества. Проблема насилия в городах, а также распространение болезней из-за плохих санитарных условий вызывают рост количества городских сирот. Это приводит также к увеличению доли детей, находящихся под опекой в государственных и частных учреждениях, — детских домах и приютах. Здесь уместно упомянуть неустойчивость брака, будь то из-за смерти супруга, переезда или развода, которая всегда была характерной чертой бразильской семьи на протяжении всей истории этой страны [13]. А потеря одного из родителей может стать для ребенка причиной его дальнейшего сиротства.

Исторические документы указывают на наличие острой проблемы брошенных детей еще во времена, когда страна находилась под колониальным владычеством Португалии [14; 15]: «Родители, неспособные воспитывать своих детей, часто бросали их на дорогах общего пользования в крупных городах, и такая ситуация распространена и сегодня. Однако не только бедность выталкивает детей на улицу, но и другие причины, такие, как домашнее и сексуальное насилие, эксплуатация их рабочей силы, потеря родителей или опекунов и иные причины, по которым они оказываются на улицах, тротуарах, под мостами...» [16, р. 69]. В имперский период (1822—1889 гг.) в отчетах властей отражена продолжающаяся практика отказа от детей. В период с конца XIX по начало XX вв. в крупных городских агломерациях страны бедные и брошенные дети являлись значительной социальной проблемой, обсуждавшейся властями на государственном уровне.

В наши дни в Бразилии для борьбы с отмеченным выше пагубным явлением были созданы цифровые реестры детей, оставшихся без попечения родителей. По данным на 2022 г., в Бразилии для усыновления был доступен 3 751 несовершеннолетний ребенок. В тот же год в картотеке данных Национального совета юстиции числились 33 046 заявителя, претендующих на статус усыновителя, что почти в десять раз превосходило количество доступных для усыновления детей [17].

На первый взгляд у сирот не должно быть никаких проблем с поиском нового дома, но, тем не менее, многие бразильские дети так и не находят усыновителей. Трудности с усыновлением детей возникают в связи из-за того, что, к сожалению, абсолютное большинство потенциальных усыновителей ищут ребенка, который бы соответствовал определенным параметрам. Существует множество потенциальных усыновителей, конкурирующих за усыновление одних и тех же детей, в то время как не подпадающие под искомые критерии дети живут в детских домах вплоть до достижения ими совершеннолетия, когда они уже теряют законное право быть усыновленными. Приемные родители при усыновлении отдают предпочтение, по большей части, белым детям младшего возраста, без братьев и сестер, без физических или когнитивных нарушений [18].

Тем не менее данные цифрового реестра бразильских сирот свидетельствуют о сравнительно небольшом их количестве для страны, занимающей, по оценкам Центрального разведывательного управления США (ЦРУ), седьмое место в общемировом рейтинге по численности населения государств, где население Бразилии на 2023 г. составляло 218 689 757 человек [9]. Для сравнения: в Российской Федерации, которая занимает девятое место в этом рейтинге с населением 141 698 923 человек [9], по итогам 2022 г. общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составила 375 699 человек, в том числе 337 598 детей — на воспитании в семьях, 34 077 детей — под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; в отношении 4 024 несовершеннолетних исполнение обязанностей опекуна или попечителя возложено на органы опеки и попечительства [19], что значительно выше аналогичных данных о числе доступных для усыновления сирот в Бразилии.

Очевидно, что в Бразилии довольно эффективно решается вопрос обеспечения ухода за детьми, оставшимися без попечения родителей. И, несмотря на ряд имеющихся трудностей, о которых мы упоминали выше, число бразильских сирот в разы ниже, нежели в России. Однако бразильские социологи полагают, что, по всей видимости, значительная часть бразильских сирот никогда не регистрируется в национальном реестре, а процедура определения ребенка в новую семью происходит внутри разветвленной аффилиативной семейной или социальной сети. «Таким образом, возникает огромный разрыв между буквой закона и правилами социальной взаимопомощи. В этом смысле законное усыновление может представлять собой нежизнеспособный атрибут» [20, р. 438]. К анализу культурных особенностей, предполагающих такой общественный подход к решению задачи присмотра за детьми, мы обращаемся в данной статье.

СОЦИАЛЬНО-АФФИЛИАТИВНАЯ СВЯЗЬ

В Бразилии в условиях растущей плотности городов прослеживается трансформация социальной и семейной структуры. Основной чертой густонаселенных районов является высокая инкорпорация проживающих по соседству индивидов в окружающий социум. Французский антрополог Кристофф Брошье так описывает социальную жизнь фавел: «Жители таких трущоб вырастают по соседству... знают десятки или даже сотни людей в лицо... Таким образом, присутствует аспект деревенской жизни, усиленный плотностью населения и жарой, которая выталкивает людей из домов на улицу» [21, р. 44]. Молодые люди, по свидетельству антрополога, «не могут перейти улицу, не поздоровавшись с пятью или шестью друзьями» [21].

Вспронаикающие социальные связи густонаселенных районов бразильских городов способствуют распространению практик общественного ухода за детьми, которые формируются путем создания сети неродственных аффилиативных связей. Такие связи возникают внутри больших семейных групп, члены которых не обязательно являются

Ольга Семенова

кровными родственниками. На практике между социальными родителями и детьми, которых они воспитывают, может не быть кровного родства, и единственной неоспоримой связью между ними является их взаимная привязанность.

В связи с этим концепция социальной привязанности — широко обсуждаемая сегодня в Бразилии тема. Нарастающие изменения в бразильском обществе побудили юристов пересмотреть само понятие семьи с целью поиска нового определения, отвечающего изменениям в семейных отношениях. В результате в настоящее время социально-аффилиативные связи (привязанность) заняли центральное положение в семейном праве, причем иногда закон стоит на стороне таких социально-аффилиативных отношений даже в ущерб родственным связям.

Внедрение понятия привязанности в общественное сознание стало основополагающим изменением, которое привело к пересмотру юридической концепции семьи, где социальная привязанность становится ключевым фактором при формировании семейных уз [22]. Некоторые бразильские исследователи полагают, что в современной бразильской семье произошел настоящий парадигматический переход, в результате которого привязанность взяла на себя роль направляющего вектора семейных отношений [23; 24; 25]. В бразильском обществе возникает понимание того, что сама целостность семьи зависит от наличия такого аффилиативного ядра внутри нее [26].

ПРАКТИКА «ЦИРКУЛЯЦИИ» ДЕТЕЙ

Современная бразильская семья, как правило, не является изолированным объектом, это — открытая вовне социальная структура: «Принцип такой открытости часто проявляется в самом внешнем виде мест проживания бразильских семей. И хотя каждая пара любит иметь свой уголок для приготовления пищи, дети проникают за пределы этих «домов», нарушая призрачные границы, возведенные взрослыми между одной семьей или другой» [13, р. 31].

Социальная открытость семьи проявляется и через интересный антропологический феномен — «циркуляцию» детей. В фавелах Бразилии молодые семьи с низким уровнем дохода часто прибегают к неофициальным формам размещения своих детей в различных неродственных домохозяйствах. Эта практика представляет собой своего рода обмен («циркуляцию») детей внутри расширенной социальной сети знакомых, родственников и соседей [27]. По оценкам бразильского антрополога с американскими корнями Клаудии Фонсеки, в кварталах, населенных беднотой, примерно половина женщин отдают своих детей на попечение в другие семьи или в государственные приюты на краткосрочной или на долгосрочной основе. В рабочих же районах более обеспеченные семьи, как правило, берут на воспитание чужих детей. Исследование 1986 г., проведенное К.Фонсека в крупнейшем городе Южной Бразилии Порту-Алегри, показало, что среди 120 обследованных домохозяйств было обнаружено около 100 респондентов, которые проживают или проживали в прошлом в домах крестных, бабушек, а также жили у приемных матерей, так называемых матерей *de criação* [27].

Здесь уместно упомянуть обычай крестить ребенка два-три раза, наделяя его двумя-тремя парами крестных родителей. Этот обычай является ярким показателем «обобществления» ответственности за судьбу воспитанника. «И если бы вся родственная группа не брала ответственность за судьбы детей, и если бы они с легкостью не циркулировали среди нескольких заботливых взрослых, трудно представить, как воспроизвилась бы эта популяция» [27, р. 32].

К.Фонсека считает, что в наши дни усыновители берут детей по двум основным причинам: одна из них — это престиж и репутация, которые приобретают усыновители в глазах своих родственников и знакомых; другая — удовольствие, которое привносит в семью ребенок. Наличие в доме детей повышает чувство собственной значимости взрослых, занятых заботой о несовершеннолетних. Как известно, большинство женщин, берущих на воспитание детей, либо уже достигли нетрудоспособного возраста, либо их мужья запрещают им работать. Забота о потребностях ребенка наполняет будни женщин смыслом и является поводом для регулярного социального взаимодействия с соседями [27].

НАПРАВЛЯЕМОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ

В Бразилии во многих случаях мать сама отдает ребенка потенциальному усыновителю, в результате чего процесс усыновления контролируется матерью и называется *adoção intuiti personae*, что можно перевести как «усыновление по личному намерению». Усыновление *intuiti personae* — это передача усыновителям ребенка, когда биологические родители, обычно мать, контролируют выбор приемной семьи, при этом предварительное совместное проживание не практикуется и аффилиативной связи между усыновителем и усыновляемым не существует, а также не осуществляется предварительная регистрация усыновляемого лица в государственном реестре сирот [28].

Матери, отдающие своих детей в другие семьи, считают, что они дают возможность усыновителям насладиться присутствием ребенка в семье, при этом родительницы полагают, что жертвуют собственным правом на материнство. В то же время такой шаг, по мнению матерей, может обеспечить их ребенку более благоприятное семейное окружение, а значит, и достойное будущее [29].

Матери обычно предпочитают размещать своих детей в домах обеспеченных родственников. Если приемная мать является близкой родственницей, то она, беря на воспитание ребенка, рассчитывает на рост своей значимости в глазах членов расширенной семейной группы [27]. В то же время женщина, недавно расставшаяся с партнером или испытывающая серьезные экономические трудности, может оказаться не в состоянии быстро найти удобное место жительства для своего ребенка среди родственников. Обнаружив, что у ее родни на воспитании уже находится достаточно детей, она будет вынуждена искать приемный дом для своего малыша среди соседей, знакомых или родственников ребенка по отцовской линии. В этом случае с приемной матерью в будущем более вероятно возникнут конфликты, поскольку последняя часто склонна рассматривать свои требова-

ния к воспитаннику и требования биологической матери как взаимоисключающие. Естественно, усыновители надеются, что их приемные дети принесут им такую же радость, как и собственные. При этом женщины, берущие на воспитание детей, полагают, что совершают акт благотворительности и жертвуют своими ресурсами и временем, надеясь на определенную благодарность со стороны детей в долгосрочной перспективе. Им не хочется думать, что, когда основная часть обязанностей по воспитанию ребенка будет выполнена, все эти годы заботы могут завершиться тем, что воспитанник вернется к родной матери. Нет сомнения, что усыновители хотят, чтобы приемные дети стали для них поддержкой в старости, что является чрезвычайно важным подспорьем в стране, которая не предлагает экономически эффективного выхода на пенсию [27].

Однако приемные дети часто бросают своих благодетелей, и этот факт не остается незамеченным. Респонденты, с которыми общалась К.Фонсека, как правило, высказывали одно и то же мнение: приемные дети непременно возвращаются к своим кровным матерям [27]. И надежным способом, позволяющим избежать этой опасности, по мнению усыновителей, является изменение данных свидетельства о рождении ребенка, в котором отсутствует упоминание о биологических родителях. В результате подделки документов о рождении возникает такой тип усыновления, который получил название «бразильское усыновление», или «усыновление в бразильском стиле» (*adoção à brasileira*). Этот термин в литературе часто употребляется в негативном смысле, прежде всего потому, что в ходе такого усыновления требования, прописанные в законе, фактически игнорируются.

УСЫНОВЛЕНИЕ В БРАЗИЛЬСКОМ СТИЛЕ

Авторы многих исследований, опубликованных в последние годы на португальском языке, затрагивают проблемы бразильской семьи и фокусируются на вопросе так называемого бразильского усыновления. Этот тип усыновления предполагает воспитание чужих детей, часто путем «тайного» усыновления, не всегда сопровождающегося официальной регистрации. В этом случае приемные дети оформляются как собственные с нарушением законодательства.

Поскольку в Бразилии детей обычно регистрируют не сразу после рождения, а через некоторое время, приемная мать может легко получить свидетельство о рождении ребенка, в котором она будет указана в качестве биологической матери без каких-либо препятствий. Согласно данным, публикуемым *United Nations International Children's Emergency Fund (UNICEF)*, в Бразилии факт рождения порядка 600 тыс. детей, не достигших десяти лет, не зарегистрирован. Больше всего в этом смысле страдают дети коренных народов, среди которых лишь 57,9% детей регистрируются на первом году жизни [30]. По данным переписи 2010 г. в возрастной группе до десяти лет доля детей коренного населения, имеющих свидетельство о рождении, составляла только 70%, что значительно ниже среднего показателя по стране. Основными причинами отказа от регистрации являются бюрократические трудности и неоправданные расходы на регистрацию и получение свидетельства о рождении ребенка [30].

Из-за бюрократических преград фиксируются случаи нарушения законов о регистрации детей; в таких ситуациях практикуется «бразильское усыновление». Приемная мать, как правило, обращается в орган регистрации и информирует о своем желании зарегистрировать ребенка, который, как она уверждает, появился на свет не в стенах роддома, а в пути или дома. Обычно ее спрашивают, кто принял роды. В ответ женщина, как правило, говорит, что это была местная акушерка. Согласно протоколу, служба регистрации рождений поручает матери получить письменное объяснение от акушерки, и при наличии двух совершеннолетних свидетелей, после признания их подписей, мать беспрепятственно может зарегистрировать такого ребенка, как собственного [31]. Но на практике такого рода усыновление происходит, когда ребенка находят у дверей дома или просто брошенным на улице в коробке или контейнере. И в большинстве случаев приемные родители, регистрируя брошенного ребенка, совершают акт милосердия, принимая его в семью.

Однако в Уголовном кодексе Бразилии регистрация ребенка как законнорожденного, который был рожден другим лицом, квалифицируется как преступление, предусматривающее тюремное заключение на срок от двух до шести лет [32]. В то же время доктринальное понимание этой проблемы заключается в том, что, несмотря на незаконность, нелегитимное усыновление часто остается безнаказанным и даже может быть поощрено судом. Практика оправдания незаконных усыновлений применяется в связи с тем, что при добровольной и спонтанной регистрации ребенка или подростка мотивы усыновителей отражают возникшую социально-аффилиативную связь с ребенком [32]. В судебных положениях часто предусмотрена процедура оправдания таких усыновителей, поскольку признается благородство деяния; так что на усмотрение судьи усыновителю может быть смягчен приговор, или же он/она могут быть даже оправданы судом [33]. Часто суд устанавливает факт незнания законов усыновителем, что является уважительной причиной и трактуется как непреодолимое препятствие для регистрации ребенка в национальном реестре усыновлений. В этом случае усыновители могут быть освобождены даже от штрафа [34].

Под понятие «усыновление в бразильском стиле» формально подпадают, например, факты регистрации мужчинами детей жены от другого брака в качестве родных. Это происходит, если мужчина берет в жены женщину с детьми или живет с ней в гражданском браке, воспитывая и заботясь о чужих детях, как о своих [35]. Мария Диас, юрист из Бразилии, отмечает, что в некоторых случаях, когда эмоциональная связь взрослой пары разрывается, у мужчины возникает юридическая обязанность воспитывать и содержать ребенка, некогда зарегистрированного им в качестве родного. Такой мужчина, как правило, стремится аннулировать регистрацию путем подачи иска об отмене отцовства, отрицая наличие биологического родства [36].

Стоит отметить, что бразильская судебная практика чаще всего нацелена на возможность сохранения аффилиативной связи и стремится не допустить аннулирования нелегитимных регистраций рождения, считая их неборатимыми. Таким образом, бразильское правосудие довольно доброже-

лательно относится к бразильским усыновителям и в поисках наилучших способов удовлетворения интересов ребенка гарантирует легитимность статуса новой семьи, что в итоге приводит к разрыву прошлых биологических связей перед лицом появления вновь возникших социально-аффилиативных [20; 36].

Между тем, следует отметить, что усыновление может осуществляться с пагубными намерениями, в частности, в целях международной торговли детьми, эксплуатации детского труда и сексуального насилия. Кроме того, часто усыновление может не отражать интересы ребенка. Ряд авторов пытаются отделить понятие «бразильского усыновления» от мошеннических действий преступников. Предполагается, что такие злонамеренные действия не могут быть отнесены к «бразильскому типу усыновления», поскольку, регистрируя ребенка, преступник движим не мотивами привязанности к нему, а действует исключительно в преступных целях [37].

В условиях быстрой трансформации образа жизни современных бразильцев, большинство из которых проживают в мегаполисах и крупных городских агломерациях, антропологи отмечают появление черт ультрасоциальности, что ярко проявляется в общественной практике ухода за детьми. Так, биологически неродственные детям индивиды активно заботятся о них. Это позволяет обществу в условиях экономических потрясений нивелировать проблему сиротства, все еще не до конца изжитую в постиндустриальных странах, в том числе в России.

Итак, мы рассмотрели такие современные практики общественной заботы о детях, как «бразильское усыновление» и «направленное усыновление». Несмотря на то, что зачастую они совершаются в обход официальной «буквы закона», в большинстве случаев эти практики нацелены на создание благоприятных условий для воспитания усыновляемого ребенка и на формирование социальной привязанности между несовершеннолетним воспитанником и его опекуном.

Выходы, сделанные в данной статье, подчеркивают значимость социальной интеграции членов бразильского общества, всецело инкорпорированных в расширенные социальные сети в условиях городских агломераций. Этот феномен создает новую общественную и даже юридическую реальность, в рамках которой формируется современное воспитательное и семейное пространство. В новой реальности приоритет отдается аффилиативным связям и социальным отношениям, даже если это иногда идет в ущерб традиционным родственным узам.

Практика совместной заботы о детях традиционно рассматривалась в контексте родственной помощи, в рамках которой ключевое место среди помощников всегда занимали кровные родственники, прежде всего, бабушки. Поэтому приведенные в данной статье современные антропологические сведения об эволюции неродственной помощи в Бразилии, как считает автор, представляют значительный научный интерес и предполагают продолжение работы в указанном направлении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ковалевский М.М. Очерк о происхождении семьи и собственности. М., Либроком, 2019, 152 с. [Kovalevsky M.M. Ocherk o proiskhozhdenii sem'i i sobstvennosti [An Outline of the Origin of the Family and Property]. Moscow, Librokom, 2019, 152 p. (In Russ.).]
2. Файнберг Л.А. Америка. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М., Наука, 1978, 304 с. [Faynberg L.A. Amerika. Pervobytnaya periferiya klassovykh obshchestv do nachala velikikh geograficheskikh otkrytiy [America. The Primitive Periphery of Class Societies Before the Great Geographical Discoveries]. Moscow, Nauka, 1978, 304 p. (In Russ.).]
3. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., Наука, 1964, 328 с. [Zolotarev A.M. Rodovoy stroi i pervobytnaya mifologiya [Tribal Structure and primitive mythology]. Moscow, Nauka, 1964, 328 p. (In Russ.).]
4. Шейнбаум Л.С. Аргентина: Особенности формирования и развития нации. Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981, сс. 262-312. [Sheinbaum L.S. Argentina: Osobennosti formirovaniya i razvitiya natsii. Etnicheskie processy v stranakh Yuzhnoi Ameriki [Argentina: Characteristics of Formation and Development of the Nation. Ethnic processes in the countries of South America]. Moscow, 1981, pp. 262-312 (In Russ.).]
5. Котовская М.Г., Файнберг Л.А. Этнические процессы в городах Бразилии (1950-1970-е гг.). Очерки по культурной антропологии американского города. М., 1997, сс. 245-275 [Kotovskaya M.G., Faynberg L.A. Etnicheskie processy v gorodakh Brazili (1950-1970-e gg.). Ocherki po kulturnoy antropologii amerikanskogo goroda [Ethnic Processes in the Cities of Brazil (1950-1970s). Outlines of Cultural Anthropology of the American City]. Moscow, 1997, pp. 245-275 (In Russ.).]
6. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Гендерные проблемы в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2005, № 4, сс. 57-71 [Kotovskaya M.G., Shalyagina N.V. Gendernye problemy v stranah Latinskoj Ameriki [Gender Problems in Latin American Countries]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2005, N 4, pp. 57-71 (In Russ.).]
7. Аверина О.В. Государство и личность: Политика гендерного разнообразия в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2022, № 9, сс. 36-53. [Averina O. V. Gosudarstvo i lichnost': Politika genderного raznoobraziya v stranah Latinskoj Ameriki [State and Personality: Gender Equality Policy in Latin American Countries]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2022, N 9, p. 36-53 (In Russ.).]
8. Ferreyra M. M., Roberts M. Raising the bar for productive cities in Latin America and the Caribbean. Washington, World Bank Publications, 2018, 218 p.
9. The world factbook (CIA). Country Comparisons. Population. Available at: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/population/country-comparison> (accessed 17.06.2024).
10. Высоких А.П., Смолина О.О. Урбанизация США и Китая: тенденции и перспективы. *Материалы Международной научно-практической конференции «Технологии и оборудование садово-паркового и ландшафтного строительства»*. Красноярск, 2020 г., сс. 102-105 [Vysokih, A.P., Smolina, O.O. Urbanizacija SShA i Kitaja: tendenci i perspektivy. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Tehnologii i oborudovanie sadovo-parkovogo i landshaftnogo stroitel'stva»* [Urbanization of the USA and China: trends and prospects. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*]. Krasnoyarsk, 2020, pp. 102-105 (In Russ.).]
11. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Зависимость родственной помощи в заботе о внуках от дистанции проживания: сравнительный анализ России, США и Бразилии. *Вестник Московского университета. Серия 23.* М., 2021, № 2, сс. 139-152 [Semenova O.V., Butovskaya M.L. Zavisimost' rodstvennoj pomoshchi v zabote o vnukah ot distancii prozhivaniya: srovnitel'nyj analiz Rossii, SSHA i Brazilii [The relationship between kinship assistance in caring for grandchildren and distance of residence: a comparative analysis of Russia, the USA and

Brazil]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23.* Moscow, 2021, N 2, pp. 139-152 (In Russ.). DOI: 10.32521/2074-8132.2021.2.139-152

12. Wilkening E. A., Pinto J. B., Pastore J. The role of the extended family in migration and adaptation in Brazil. *Rural Sociological Society. Meeting (1967: San Francisco, Calif.)*. Land Tenure Center, University of Wisconsin-Madison. Available at: <https://minds.wisconsin.edu/bitstream/handle/1793/56677/rp023.pdf?sequence=1> (accessed 17.06.2024).
13. Fonseca C. Caminhos da adoção, 3ª edição. São Paulo, Cortez, 1995, 152 p.
14. Del Priore M. História da criança no Brasil. São Paulo, Contexto, 1991, 448 p.
15. Marcialo M. L. História social da criança abandonada. 2ª edição. São Paulo, Editora Hucitec, 2006, 331 p.
16. Francisco R. P. Pequenos desvalidos: a infância pobre, abandonada e operária de Juiz de Fora (1888-1930). Diss. Niterói, 2015, 323 p.
17. Almeida P., Salemeda I. Quase 70% das crianças aptas para adoção no Brasil têm mais de oito anos. CNN Brasil, 25.03.2022. Available at: <https://www.cnnbrasil.com.br/nacional/quase-70-das-criancas-aptas-para-adocao-tem-mais-de-oito-anos/> (accessed 15.07. 2023).
18. Concelho Nacional de Justiça. Sistema Nacional de Adoção e Acolhimento. Available at: <https://paineisanalytics.cnj.jus.br/single/?appid=ccd72056-8999-4434-b913-f74b5b5b31a2&sheet=e78bd80b-d486-4c4e-ad8a-736269930c6b&lang=pt-BR&opt=currsel&select=clearall> (accessed 15.05. 2024).
19. Министерство просвещения Российской Федерации. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. [Ministerstvo prosvesheniya Rossiijskoj Federacii. Podderzhka detej-sirot i detej, ostavshihsha bez popecheniya roditelej] [Ministry of Education of the Russian Federation. Support for orphans and children without parental care] Available at: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans/ (accessed 24.05.2024) (In Russ.).
20. Sznick V. Adoção: direito de família; guarda de menores; tutela; pátrio poder; adoção internacional. São Paulo, Leud, 1988, 178 p.
21. Brochier C. L'ordre moral d'une favela de Rio de Janeiro. *Déviance et Société*. Chêne-Bourg, 2022, Vol. 46, N 1, pp. 35-66.
22. Bedin P. C. Adoção à brasileira: problema ou solução. Diss. Lajeado, 2018, 68 p.
23. Almeida S. R. D. C. Adoção à brasileira: análise de direitos sucessórios em casos de multiparentalidade. Diss. Santa Rita, 2017, 53 p.
24. Calderón R. L. Princípio da afetividade no direito de família. Rio de Janeiro, Renovar, 2013, 438 p.
25. Monteiro, T. D. S. A experiência e o significado do processo de adoção sob a ótica da família adotiva. Diss. Taubaté, 2020, 67 p.
26. Klippel A. P. Z. Paternidade socioafetiva: a família e sua evolução histórico cultural. Diss. Palhoça, 2018, 54 p.
27. Fonseca C. Inequality near and far: adoption as seen from the Brazilian favelas. In: Susan Sterett (ed.). *Immigration*. Routledge, London, 2017, pp. 365-399.
28. Palheiro R. D. M. Adoção intuitu personae. Monografia Pós-Graduação em Direito. Rio de Janeiro, 2011, 64 p.
29. Dias A. L. F. Adoção: considerações sobre o instituto e abordagens relativas à possibilidade da adoção intuitu personae (segundo o PL do senado 394 de 2017). Artigo científico apresentado. Uberlandia, 2021, 26 p.
30. UNICEF. A infância brasileira nos anos 90. Brasília: Unicef. Available at: <https://www.unicef.org/brazil/media/6276/file/30-anos-da-convencao-sobre-os-direitos-da-crianca.pdf> (accessed 17.06.2024).
31. Oliveira T. C. F. D. Filho do coração: o processo de adoção de crianças na perspectiva paterna. Diss. Salvador, 2014, 172 p.
32. Ramos A. S. A. Paternidade socioafetiva e os efeitos sucessórios por sua ocorrência. *REGRAD - Revista Eletrônica de Graduação do UNIVEM*, 2017, vol. 10, N 1, pp. 193-207.
33. Assis I. F. D. Adoção à brasileira: crime ou ato de amor? Diss. Brasilia, 2014, 61 p.
34. Teixeir B. M. Estatuto da adoção: uma análise crítica. Rio Grande do Sul, 2018, 54 p.

35. Maluf C. A. D., Maluf A.C. R. F. D. *Curso de direito de família*. 2ª edição. São Paulo, Saraiva, 2016, 840 p.
36. Dias M. B. *Adoção e a espera do amor*. Conteúdo Jurídico, Brasília. Available at: <https://conteudojuridico.com.br/consulta/Artigos/16336/adocao-e-a-espera-do-amor> (accessed 17.06.2024).
37. Simão J. F., Tartuce F., Neto G. L. *Direito de família. Novas tendências e julgamentos emblemáticos*, São Paulo, Atlas, 2012, 529 p.

Olga V. Semenova (m4248296@yandex.ru)

Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Leninsky pr-t., 32a, 119991 Moscow, Russian Federation

Contemporary practices of communal childcare in Brazil

Abstract. In this article we address the topic of the possible transformation of cooperative breeding practices in modern Brazilian families. With increasing urbanization traditional kinship assistance from grandparents in childcare is giving way to community practices concerning child welfare. According to the analyzed ethnographic literature, in poor neighborhoods approximately half of the women had placed a child with a substitute family or at the state orphanage. The article discusses modern practices of such public concern for children as Brazilian adoption (*adoção à brasileira*) and directed adoption (*adoção intuiti personae*). Although they are often carried out bypassing the official "letter of the law", in most cases they are aimed at creating favorable conditions for the upbringing of the adopted child, including fostering social attachment between the minor ward and their guardian. The conclusions drawn in this article emphasize the importance of social integration of members of Brazilian society, fully incorporated into extended social networks in urban agglomerations. In contemporary Brazil, such childcare practices and child circulation illustrate the eusocial characteristics of social organization.

Key words: eusociality, kinship care, urbanization, population density, favela, childcare, adoption.

DOI: 10.31857/S0044748X25020024

Received 18.06.2024.